

Две встречи

1. «Самый старый на земле»

— Путешественник, посетивший Японию и не побывавший в Хаконе, так и не узнает прелести природы нашей страны.

— Человеку, изучающий историю Японии, должен начинать свои поиски с города Нара: там сохранились подлинные памятники старины.

— Тот, кто знакомится с искусством Японии, обязан встретиться с актерами театра Но.

Эти ставшие трафаретными в устах гида и переводчика фразы нам довелось слышать много раз. В горном Хаконе, действительно прелестном уголке, где одно любование красавицей Фудзи-яма вознаграждает человека за дальнюю дорогу, я был в 1946 году и ныне, во второй приезд в Японию. Оба раза, конечно, не миновал и древнюю столицу Японии — город Нара, где все — и храмы, и бронзовый Будда, и бойница с колоколом, и редкой архитектуры пагоды — живая история выдающегося мастера народа, создавшего эти памятники.

Но с театром Ноаку, или, как для краткости его здесь называют, Но, мне не повезло. Классическим считается Киотский театр Но. В 1946 году и сейчас я попадал в Киото на несколько дней, исключая субботы и воскресенья. А представления Но даются как раз только в эти два дня. Уверовав в наставление переводчика — если вы не встретитесь с актерами театра Но, то не узнаете всех богатств искусства нашей страны, — я решил: если не побывал на представлении Но, то обязательно нужно встретиться хотя бы с одним выдающимся представителем этого театра. Мне сказали:

— Беседа с актером Ивао Конго полностью вознаграждает вашу любознательность.

И тут же начались таинствен-

ные для меня телефонные переговоры, результаты которых сообщались в такой последовательности:

— Господин Конго подумает: вы же — советский журналист.

— Есть надежды: встреча, видимо, состоится, но только завтра, поздно вечером.

— Согласие Конго получено. Только учтите, что за беседу и фотографирование нужно уплатить. Это обязательно для всех иностранцев.

Раз условие обязательное — пришлось его принять.

В вечерний час, когда на прямых улицах одной из бывших столиц Японии — Киото, сохранившего больше, чем другие города, внешние национальный колорит, зажглись тысячи рекламных огней, мы последовали в глубь узенькой и тихой улочки. Наш гид — представитель местной туристской организации, предупредив полупешотом, что нужно подождать, удалился в глубь тускло освещенной аллеи, в конце которой горел огнями большой приземистый, чисто японский, богатый дом. И тихая улочка, и эта аллея, и ярко освещенный дом в глубине, и почтительность гида к этому дому — все подчеркивало исключительность предстоящей встречи.

Наконец, мы идем в глубь аллеи. Из дома доносится мякотное пение. У входа десятки пар мужской обуви. Тут же оставляем свои ботинки и мы. По японскому обычаю, стоя на коленях и кланяясь почти до самых латаям (циповок), нас приветствовала седая женщина в сером полосатом кимоно. Мы ответили таким же поклоном и, миновав несколько комнат, отгороженных друг от друга легкими ширмами, оказались в небольшой угловой комнатке, где с одной стороны (ширмы там убраны) веяло вечерней прохладой сада. Мы уселись на подушки вокруг низенького столика, на который служанка подала зеленый чай в изящных ча-

шечках. Заметив, что мы прислушиваемся к пению, седая женщина, опережая наш вопрос, не без гордости сказала:

— Поют ученики моего сына. У нас в доме и театр, и школа. Каждый вечер сын занят.

Появился мужчина в синем европейском костюме. Поздоровавшись, он предупредил:

— Господин Конго освободится через несколько минут. А пока я расскажу историю театра Но.

Говорил он тихо, покачиваясь вперед и назад, как бы читая давно заученную лекцию:

— Театр Но — самый старый из всех существующих сейчас на земле театральных ансамблей. Конечно, в древности были египетские, римские и другие театры. Но одни из них давно перестали существовать, другие претерпели такие реформы, что стали совершенно непохожи на своих предков. Наш театр существует более шестисот лет. Зародился он в храмах, и родимой

Ивао Конго.

его мы считаем древнюю столицу Японии — город Нара. Многие столетия Но был единственным видом театрального представления в Японии. Если сравнивать Но с современным театральным искусством, то это скорее оперный театр, ибо основа его — пение и притоднятая торжественная декламация, идущая под аккомпанемент старинных национальных музыкальных инструментов.

Точно в подтверждение слов собеседника из далеких комнат дома лились тягучие звуки горлового пения.

— Театр Но — чисто национальное искусство, — продолжал человек в синем костюме. — За шестьсот лет у нас не изменились ни форма, ни содержание, если не считать, что больше стало декламации и за последние тридцать лет в числе актеров появились женщины, присутствие которых в труппе раньше считалось грубым нарушением многовековой традиции. Сюжеты наших представлений — жизнь, быт и нравы древней феодальной эпохи. Сюжет играет подсобную роль. Главное — это пение. Все чувства героев выражаются жестами и интонациями пения. Например, актер руку ко лбу — значит, герой плачет. На лице — маска. И только в современном репертуаре — от проник и в наш театр — актеры играют уже без масок.

Считая, видимо, что об истории театра Но мы получили исчерпывающие сведения, человек в синем костюме отхлебнул глоток чаю и, прикурив сигарету от модной закигалки, перешел к характеристике актера Ивао Конго:

— Дом, в котором мы находимся, — родовый дом ведущих актеров театра Но. У нас нет книг

по истории Киотского театра, но если бы мы стали ее писать, то деду и отцу господина Конго были бы отведены самые яркие страницы. Это целая плеяда выдающихся мастеров театра Но. Господин Конго знает почти весь репертуар театра. Он играет стариков и молодых мужчин, старух и чевест — словом, любую роль в любом представлении.

В это время напротив нас двинулась ширма, и в комнату вошел высокий мужчина, одетый в темное кимоно. Длинное строгое лицо с ярко горящими, немного грустными глазами. Он опустился на колени и протянул нам руку. Легкая улыбка сделала лицо добродушным и приветливым. Мы обменялись визитными карточками. На маленький столик Ивао Конго положил несколько фотографий, пригласив нас посмотреть их. Фотообъектив запечатлел выдающегося актера театра Но в разных ролях. Фотографии были рекламными — актер везде запечатлен в статичной позе. Потом нам показали древние свитки, на которых одна за другой развергивались сцены представлений театра, написанные акварелью, в легкой утонченной национальной манере.

— Это семейная реликвия. Она хранится с XVII века, — пояснил Конго. — Когда-то наш театр, оставаясь аристократическим, был очень популярным.

— А сейчас? — спросил я. Вместо ответа Ивао Конго встал и вышел. За него ответил человек в синем костюме:

— Форма представления у нас древняя — символическая опера. Молодому поколению многое в нашем театре непонятно. Наши представления посещают люди пожилые, любящие чисто национальное искусство.

— А Кабуки? — перебил я. — Кабуки тоже национальный театр, но там реализм. Он доступен.

— То есть ближе, понятнее? — Нет, доступнее, народнее. Нас посещают люди состоятельные — билеты очень дороги.

Я хотел задать еще несколько вопросов моему собеседнику, но

события развивались в привычном для этого дома темпе, по ранее разработанной системе. Нас пригласили в одну из комнат, где два человека тщательно одевали Ивао Конго в женский национальный костюм, а лицо закрывали маской.

— Это женский образ Юл, — объяснили мне. — Можете фотографировать.

Пока шло фотографирование, я узнал, что Ивао Конго всего 32 года, что первый раз он выступил на сцене в возрасте шести лет, что театр Но ныне принадлежит ему и находится в этом же доме. В труппе 50 актеров.

По коридорам нас повели в театр. Подмостки вели на сцену, на которой шла репетиция. Зал небольшой с партером без стульев — зрители сидят на полу, и амфитеатром, тоже только с подушками для сидения. Сцена находится в углу и охватывается с двух сторон зрительным залом на 500 мест.

— Декорация, или как у вас говорят, задник, на весь спектакль одна и та же, — продолжал посвящать нас в таинства Но человек в синем костюме. — Оркестр размещается или на сцене, или вот на этом специальном помосте.

Нас пригласили в комнату, в которой началась беседа. Там ждал господин Конго. Он жестом пригласил нас садиться. Лицо Ивао Конго мне показалось очень одухотворенным, и я спросил:

— Маска, в которой вы исполняете роль, лишает зрителя возможности видеть вашу богатую мимику?

— Вы не первый говорите мне об этом, — с достоинством ответил Конго. — Но я не изменю Но. Хотя молодое поколение и плохо поддерживает наш театр, тем не менее я уверен, что он просуществует еще долго. Реалистическое театральное искусство, радио, телевидение, словом, все течение жизни как бы говорит нам: вы застыли, ухоблите, умираете. Но это неверно. Искусство Но отвечает национальным чувствам японцев. В нашей стране еще у многих людей глубокая и искрящая тяга к нашему театру.

Ивао Конго говорил спокойно и уверенно.

— В истории нашего театра было три этапа. Вначале он был народным и по характеру представлений, и по зрительям. Потом его стали опекать правящие круги. Все актеры Но считались актерами страны, административного хозяйства страны. Только один раз в год театр выступал перед народом. Остальные представления давались для знати, для самураев. При Мэйдзи (буржуазная революция 1867—1868 гг. в Японии; официальное название периода правления императора Муцухито. — Прим. ред.) Но опять стал народным. Сейчас мы даем представления только по воскресеньям и в большие праздники. Причина? Откровенно говоря, не надеемся, что зритель будет чаще посещать нас.

Сопровождавший нас гид многозначительно посмотрел на часы. Я поблагодарил Конго за прием и протянул ему конверт, в который заранее было вложено две тысячи иен. За многолетнюю журналистскую практику я впервые отличал такую встречу. Но господин Конго привычно подставил широкую ладонь и, прижав пакет к груди, низко поклонился.

Мы встали. Провожая, седая женщина — мать знаменитого актера — подвела нас к огромному портрету в раме. Маслом был написан дед Ивао Конго. Но лица его мы не увидели: оно прикрыто маской. К портрету подбежал мальчик лет пяти, размахивавший большой самурайской саблей.

— Сын моего сына, — пояснила женщина. — Будущий Конго — хозяин и актер театра Но.

А мальчик, дернув меня за руку, спросил:

— Сколько метров от Киото до Москвы?

Я подарил пятилетнему Конго значок с видом Спасской башни Кремля.

Л. КУДРЕВАТЫХ.